

РОССИЙСКИЙ ГЕНЕРАЛИТЕТ 1725–1730 гг.:
ЧИСЛЕННОСТЬ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ
И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ*

Based on a wide range of archival and published sources, the article dwells upon the personnel and the ethnic and social structure of the Russian general staff in 1725–1730. The author demonstrates that within a five-year period, the number of officers doubled and the general staff was renewed by about 60 percent. A third of the generals were of foreign descent, while two-thirds were Russian (with approximately half of the latter being noblemen that belonged outside the *duma* (boyar council), and the traditional elite, as during Peter the Great's reign, still holding the highest ranks). The period in question also saw the formation of a considerable group of generals who were employed in civil service positions. During 1725–1730, few generals transferred from military service to civil service and vice versa, and approximately 70 percent of the generals did not do it at all during the five-year period.

Key words: general staff; ruling elite; army; service; ethnic groups; social structure.

Проблемы становления российской регулярной армии и эволюции ее командного состава неизменно привлекают интерес исследователей. Особое место в историографии занимают работы М. Д. Рабиновича, Ю. Н. Смирнова, Г. В. Калашникова, в которых анализируется происхождение, служба и имущественное положение представителей офицерского корпуса первой половины XVIII в. Армейскому генералитету, напротив, уделялось гораздо меньше внимания. Так, до сих пор отсутствуют полные данные о составе и численности генералитета 1725–1730 гг., недостаточно исследованы динамика этого слоя, его национальная и социальная структура¹. Представленная работа призвана восполнить этот пробел².

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 14-01-00011(а).

¹ Армейский генералитет (как часть правящей элиты начала 1730 г.) рассматривался в работах Б. Михан-Уотерс [Meehan-Waters, 1971; 1974; 1980; 1982].

² В нашей работе использовалась пополняемая биографическая база данных по правящей элите 1725–1762 гг. Основные источники: [РГАДА, ф. 16, оп. 1, кн. 36, 38, 81, 101, 168; ф. 20, оп. 1, кн. 20, 21, 61, 219; ф. 199, портф. 240, д. 15–16; ф. 210, оп. 21, кн. 1087; оп. 22, кн. 209; ф. 248, кн. 21, 33, 46, 380, 387, 391, 413, 421, 424, 428, 605, 606, 608, 689, 768, 985, 1088, 1155, 1353, 1933–1942, 1947, 1950–1952, 6416; ф. 286, оп. 1, кн. 45, 49,

По нашим подсчетам, в изучаемое время на военной, статской, придворной и дипломатической службах состояло 166 человек, носивших армейские чины 1–5 классов³. Из табл. 1 следует, что за пять лет численность генералитета выросла в два раза: с 61 в конце царствования Петра Великого до 125–124 человека в 1728–1729 гг. Масштабы обновления генералитета хорошо иллюстрируют следующие данные: из 124 генералов, находившихся на службе в 1729 г., пятью годами ранее в состав генералитета входили лишь 43 % (53 человека), остальные 57 % (71 человек) были «новичками».

Таблица 1

Численность генералитета (1724–1730)

Год (период)*	1724	1725(II)	1725(E)	1726	1727(E)	1727(II)	1728	1729	1730(II)
Число лиц	61	61	78	108	108	110	125	124	109

* В этой и последующих таблицах заглавными буквами рядом с годом обозначен период правления: 1725(II) – Петр I, 1725(E) и 1727(E) – Екатерина I, 1727(II) и 1730(II) – Петр II.

Сравним численность генералитета 1725–1730 гг. с более ранним временем. Сразу подчеркнем, что в петровское правление эти показатели были значительно ниже [Черников, 2009, с. 711, 715]. Так, в самом начале Северной войны (1700–1704) количество генералов не превышало 20 человек. Быстрый рост генералитета пришелся на 1705–1711 гг. Причинами этого стали активное приглашение иностранцев на российскую службу, а в 1708–1711 гг. – повышение целого ряда русских военных из полковничьих рангов. К 1711 г. генералитет состоял уже из 72 человек (это максимальная численность за весь петровский период). Утверждение штатов 1711 г. и отставка многих иноземцев после неудачного Прутского похода внесли кардинальные перемены в общую динамику: к 1714–1721 гг. генералитет сократился до 49–54 человек. После принятия «Табели о полевой армии» 1720 г. (с более высокими штатными нормами) и формирования Низового

63, 75, 82, 106, 108, 117, 119, 122, 125, 133, 143, 167, 170, 181, 182, 208, 216, 222, 238, 239, 245, 260, 262, 310, 331, 418, 419, 421; ф. 350, оп. 3, кн. 1; РГВИА, ф. 489, оп. 1, кн. 7134, 7339, 7386–7388, 7395; ф. 490, оп. 2, кн. 6–8, 13, 20, 21, 33–35, 37, 38, 41, 42, 44, 45, 47, 50–53, 55, 56, 58; Сб. РИО, т. 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101].

³ Отставники и генералы, находившиеся «не у дел», не учитывались. Под термином «генералитет» в настоящей статье понимается группа лиц, носивших армейские чины 1–5 классов [ПСЗ-1, т. 6, № 3890, с. 486–487; т. 43, ч. 1, отд. 1, с. 15–16]. В 1724 г. офицеры инженерной службы были уравниены в рангах с артиллерийскими, а чин инженер-полковника перенесен из шестого в пятый класс [Сб. РИО, т. 79, с. 423, 515; т. 101, с. 484]. С 12 мая 1727 г. вплоть до своего ареста в сентябре того же года кн. А.Д. Меншиков вместо генерал-фельдмаршальского чина носил нетабельный чин генералиссимуса (при расчетах отнесен к первому классу) [Опись, т. 2, № 2212, с. 70; Сб. РИО, т. 63, с. 480, 483]. Чин полковника лейб-регимента, сформированного в декабре 1725 г. (на его основе в 1730 г. был создан Конногвардейский полк), мы рассматривали как равный по рангу гвардейскому.

корпуса в Закавказье число генералов вновь увеличилось – до 60–61 (1722–1725).

Теперь сопоставим интенсивность пожалования генеральских рангов в 1700–1725 и 1725–1730 гг. За первую четверть XVIII в. мы имеем данные о 77 случаях повышения в чинах представителей генералитета [Черников, 2009, с. 716]. Добавив сведения о получении первого генеральского ранга (172), в сумме получим 249⁴, т. е. в среднем по 10 пожалований ежегодно. В 1725–1730 гг. этот показатель был гораздо выше – 34 (170 пожалований за 5 лет⁵). Таким образом, в царствование Екатерины I и Петра II произошел резкий всплеск активности чинопроизводства (более чем в три раза). Очевидно, что каких-либо оснований в военной сфере для подобного роста генеральского корпуса не было. Если в течение первой четверти XVIII столетия Россия постоянно вела боевые действия, а рост числа генералов обуславливался потребностями армии, то 1725–1730 гг. были сравнительно спокойными. Низовой корпус фактически превратился в оккупационную администрацию в Закавказье, а широкомасштабных столкновений на этой территории уже не наблюдалось.

Какие же причины вызвали столь значительный (двукратный!) рост генералитета? Чтобы ответить на поставленный вопрос, рассмотрим распределение высших армейских чинов по видам службы (табл. 2).

Представленная статистика достаточно наглядно демонстрирует факторы, которые способствовали росту генералитета. Устойчивая положительная динамика наблюдалась среди лиц, состоявших на военной сухопутной (1725–1728) и статской (1725–1729) службе, а впоследствии – на придворной (1727–1729). Влияние численности сухопутного генералитета (группа 1) и гражданских служащих (группы 7–8) на общую численность генеральского корпуса 1725–1730 гг. было наиболее сильным ($r = 0,92$ и $0,95$ соответственно). Количество генералов, одновременно сочетавших военную службу с другими видами деятельности за 1726–1730 гг., существенно сократилось (группы 2–3)⁶.

Проанализируем структуру самой значительной страты в составе генералитета – военнотружущих (табл. 3, группы 1–2 из табл. 2).

⁴ Точная дата пожалования известна не всегда, поэтому полученный итог незначительно завышен (в него неизбежно вошли данные о нескольких лицах, получивших свой первый генеральский чин в самом конце XVII века). Но поскольку число генералов в начале Северной войны было невелико, то расхождение будет несущественным.

⁵ Включая случаи пожалования в первый генеральский ранг. Эти данные незначительно занижены (нам не известна точная дата еще 15 пожалований). Пожалования новых рангов при увольнении в полную отставку (от военной службы и гражданских дел) не учитывались при подсчетах.

⁶ Из табл. 2 также следует, что практика награждения придворных генеральскими чинами, получившая столь широкое распространение при Елизавете Петровне, брала свое начало со времени царствования Петра II.

Таблица 2

Численность генералитета по видам службы, лиц

№ п/п	Виды службы и их сочетание	1725 (Е)	1726	1727 (Е)	1727 (П)	1728	1729	1730 (П)	r***
1	Военная сухопутная	45	54	58	65	69	64	59	0,92
2	Сочетание военной сухопутной и других видов службы*	17	27	20	12	14	12	8	–
3	Сочетание военной сухопутной и статской службы**	16	26	18	11	11	10	6	–
4	Дипломатическая	3	2	3	2	1	1	1	–
5	Морская	1	1	1	1	1	1	1	–
6	Придворная	0	0	0	1	6	8	8	–
7	Статская и сочетание статской с другими «невоенными» видами службы****	12	24	26	29	34	38	32	0,95
8	Статская	11	23	26	28	31	36	30	0,95
	<i>Итого</i>	78	108	108	110	125	124	109	1,00

* Показатели по группе 2, включают в себя данные по группе 3, а по группе 7 – данные по группе 8.

** 10 вариантов сочетания военной сухопутной службы со статской, придворной, дипломатической и морской.

*** Здесь и в последующих таблицах r – коэффициент линейной корреляции (внесены только значимые коэффициенты, $p < 0,05$).

**** 2 варианта сочетания статской службы с дипломатической и придворной.

Таблица 3

Численность генералитета по типам военной службы, лиц (%)

№ п/п	Тип службы	1725 (Е)	1726	1727 (Е)	1727 (П)	1728	1729	1730 (П)	r**
1	Полевая армия и гвардия *	36 (58)	45 (56)	43 (55)	44 (57)	52 (63)	45 (59)	38 (57)	0,92
2	Артиллерия и инженерный корпус	9 (15)	10 (12)	9 (12)	10 (13)	10 (12)	12 (16)	10 (15)	–
3	Административные структуры военного профиля	16 (26)	16 (20)	16 (21)	16 (21)	14 (17)	13 (17)	11 (16)	–
4	Коменданты и гарнизонная служба***	6 (10)	15 (19)	15 (19)	15 (19)	14 (17)	13 (17)	12 (18)	0,87
5	Другие****	4 (6)	4 (5)	3 (4)	2 (3)	2 (2)	2 (3)	2 (3)	–
	<i>Итого</i>	62 (100)	81 (100)	78 (100)	77 (100)	83 (100)	76 (100)	67 (100)	1,00

* Генерал-кригс-комиссар и обер-штер-кригс-комиссары армии учитывались в группе 3, а находившийся «в должности» генерал-квартирмейстера генерал-майор от фортификации П. де Бриньи – в группах 2 и 3.

** В таблицу внесены только значимые коэффициенты корреляции ($< 0,05$).

*** Коменданты закавказских крепостей (в зоне действия Низового корпуса) учитывались как находящиеся при полевой армии.

**** В эту категорию отнесены генерал-адъютанты ЕИВ, кавалергарды и генерал-майор при смоленской шляхте.

Как видим, большая часть генералитета находилась при полевой армии и гвардии (55–63 %). При артиллерии и инженерном деле состояли 12–16 %. В административных структурах (Военной коллегии и ее конторе, Кригс-комиссариате, канцелярии Главной артиллерии и фортификации и т. д.) служили 16–26 %. Комендантов, обер-комендантов и руководителей гарнизонных частей насчитывалось 10–19 %.

Колебания численности генералитета, состоявшего при полевой армии и гвардии, в основном объяснялись ускоренным обновлением кадрового состава. По нашим подсчетам, ежегодно выбывало со службы и пополняло эти места от 4 до 9 человек, а в 1726 и 1728 гг. – 18 и 21 человек соответственно. Рост численности генералитета гарнизонных частей был связан с упразднением бригадирских вакансий в полевой армии в период с 1 января 1726 г. по 27 мая 1728 г. [РГАДА, ф. 248, оп. 11, кн. 608, л. 43, 48; Сб. РИО, т. 79, с. 366–368] и переводом в бригадирский ранг целого ряда комендантов и обер-комендантов по штату 17 августа 1725 г. [ПСЗ-1, т. 7, № 4764, с. 530; т. 43, ч. 1, отд. 1, с. 43–45]. Высшие артиллерийские, инженерные чины и представители административного аппарата, как следует из табл. 3, существенно влияли на динамику генеральского корпуса не оказывали.

Выше уже отмечалось, что в составе генералитета при Екатерине I и Петре II сформировалась значительная группа лиц, находившихся на статской службе. В 1725 г. их было 12, а к 1729 г. – 38 человек. Увеличение этой прослойки было напрямую связано с активным обновлением генеральского корпуса и переводом части военных на гражданскую службу.

Проанализируем данные об отставках военных, носивших в изучаемый период генеральские чины. Эти сведения не являются полными, но позволяют сделать ряд важных наблюдений. По нашим подсчетам, за 1725–1730 гг. в отставку было уволено 56 генералов (включая тех, которые получили чин 1–5 класса Табели при отставке). В 1725 г. ушли в отставку 2 человека, в 1726 г. – 18, в 1727 – 13, в 1728 г. – 21, в 1729 г. – 2. В 45 случаях состоялось увольнение от военной службы, в 5 – лишь от полевой, а еще в 6 случаях представитель генералитета получил полную отставку («от службы и от дел»). Из 56 отставников 42 человека удостоились своего первого генеральского чина только при отставке (из полковничьего ранга). Лица, уже носившие генеральские чины до отставки, были в меньшинстве (14 человек). Следует обратить внимание, что «награждение рангом» при увольнении от службы в это время было общепринятой практикой, а отставка без повышения – исключением⁷. Так, непосредственно при отставке новый чин получили 42 человека, еще 8 были повышены в период до 1730 г., и лишь 6 генералов сохранили свой старый чин (по данным 1725–1730 гг.). Перевод военных в статский ранг был редкостью (3 человека), большинство продолжало носить армейские чины (47).

⁷ К этому же выводу пришла М. В. Бабич при анализе отставок будущих «областных правителей» (руководства губерний, провинций и уездов) 1719–1739 гг. [Бабич, с. 92, 101].

Какая часть отставников продолжила свою службу? К гражданским делам в 1725–1730 гг. были определены 25 отставных генералов, 4 остались на военной службе (поскольку были уволены только от полевой), еще 9 человек вернулись на службу лишь при Анне Иоанновне. Таким образом, в общей сложности на службе осталось 68 % отставников (38 лиц), а в рамках изучаемого периода – 52 % (29 человек). Из этих 29 человек лишь четверо имели генеральские чины до отставки, остальные 25 являлись «новичками» в составе элиты (22 были пожалованы из полковничьего ранга в бригадиры и генерал-майоры, 3 – в статские и действительные статские советники). Следовательно, пополнение уже сложившегося к 1725 г. костяка отставных военных, находившихся у статских дел, происходило в первую очередь за счет новых лиц (из среды полковников). Отставка военных, уже носивших генеральские чины, с последующим их переводом на гражданскую службу была относительно редким явлением.

Сведения об увольнении представителей офицерского корпуса, проанализированные М. В. Бабич, позволяют рассматривать отставки генералов в 1725–1730 гг. как часть общего плана правительства по обновлению командного состава русской армии и «перераспределению людских ресурсов между руководящим персоналом военной и гражданской сфер». Масштаб отставок в изучаемый период, по всей видимости, значительно превосходил подобные же акции в последующее время [Бабич, с. 92–94, 98, 101–102].

Как часто представители генералитета переходили с одного вида службы на другой? Насколько для 1725–1730 гг. был характерен хорошо известный по литературе «универсальный тип» руководителя, параллельно выполнявшего самые разнородные поручения и неоднократно переводившегося из армии в центральные или губернские учреждения, а затем вновь на военную службу? Как следует из табл. 2, одновременное (в течение одного года) совмещение армейской и других видов службы было не столь распространенным явлением. Кроме того, за 1726–1730 гг. количество таких генералов сократилось с 27 до 8 человек. Если анализировать карьеру представителей генералитета в рамках всего пятилетнего периода (1725–1730), то вполне очевидно, что показатели будут существенно выше – 50 человек (30,1%)⁸. Но этот тип служебной деятельности все же не являлся доминирующим. Напротив, преобладала та часть генералитета, которая ориентировалась только на один вид службы: армейская карьера в эти годы была характерна для 64 человек (38,6 %), невоенная – для 51 (30,7 %) ⁹. Особый интерес вызывает динамика данных. Доля двух групп, представители которых за пять лет ни разу не меняли профиль службы (армейский или гражданский), выросла с 53 до 63 %. Удельный вес лиц, совмещавших различные виды деятельности, упал с 46 до 36 %. По

⁸ Здесь и далее при подсчетах учтены служебные назначения только за то время, когда служилый человек носил генеральский чин.

⁹ Еще один генерал (И. М. Головин) служил на флоте.

всей видимости, появление в составе генералитета большой группы лиц, состоявших при гражданских делах, позволяло правительству реже отвлекать армейских генералов от их основной службы.

Среди важнейших причин расширения генеральского корпуса 1725–1730 гг. также следует отметить и законотворческую деятельность правительства. Она была направлена на унификацию чинов и регламентацию состава различных управленческих структур (высшего командования армии, руководства центральных и местных органов власти, двора). Юридическое оформление рациональных принципов чинопроизводства, создание унифицированной структуры военных, гражданских и придворных чинов послужило началом нового периода взаимоотношений между верховной властью и дворянством. Новые «правила игры», закрепленные в Табели о рангах и различных штатных расписаниях, ставили правительство в определенные рамки и диктовали соответствующую логику принятия кадровых решений. Эти принципы чинопроизводства можно было по-разному трактовать, манипулировать ими, но их нельзя было полностью игнорировать. Стремление к всеобщей регламентации с неизбежностью вело к последующему «согласованию» реальной чиновной структуры с той, которая предполагалась штатами. Следствием этого становились все новые и новые пожалования чинов. Табель о рангах и штаты фактически стали не только средством контроля служилого дворянства со стороны верховной власти. Практически сразу же после своего утверждения они превратились в самостоятельные факторы, влиявшие на чинопроизводство. Привязка гражданских и придворных чинов к военной иерархии, осуществленная в Табели о рангах, и отсутствие четкой специализации служилых людей на одном виде службы создали дополнительные социальные лифты и возможности для карьерного роста. Политическая борьба, взлеты и падения фаворитов существенного влияния на структуру генералитета не оказывали. Случайные люди, такие как Я.-К. Сапега или К.-Ф. Голштейн здесь встречались нечасто. Ссылка и лишение чинов среди генералов были редким явлением. Этому наказанию в 1725–1730 гг. подверглось только пять человек: А. Я. Волков, И. И. Бутурлин, А. М. Девиер, А. Д. Меншиков и Г. Г. Скорняков-Писарев. Обновление состава высших армейских чинов после смерти Петра Великого происходило в первую очередь по естественным причинам. Представители старшего поколения переводились к гражданским делам, уходили в полную отставку или умирали, а их место занимали более молодые.

Теперь обратимся к анализу национального состава лиц, носивших генеральские чины в 1725–1730 гг. Всего здесь насчитывалось 110 русских (66%) и 56 иноземцев (34 %). Ежегодные показатели изменялись незначительно: 60–63 % и 37–40 % соответственно. Такое же соотношение русских и иноземных генералов наблюдалось в 1718–1725 гг. Из 170 пожалований, которые состоялись в 1725–1730 гг., в

113 случаях чин получал русский представитель генералитета (66 %) и в 57 – иноземец (34 %). Очевидно, что утверждения об «антинемецкой» направленности политики правительства Петра II являются историографическим мифом и не соответствуют действительности.

Весьма показательны данные о профиле службы иностранцев. На военной службе (полевая армия, гвардия, артиллерия, инженерный корпус, нерегулярные и гарнизонные части, военная администрация) доля иноземцев была выше, чем в целом по генералитету: в 1725 г. – 42 %, а в 1726–1730 гг. – 46–48 %, русских же насчитывалось 58 % и 52–54 % соответственно¹⁰. Генералитет, который в 1725–1730 гг. постоянно находился на военной службе, состоял на 48 % из иноземцев, совмещавшие армейскую службу и другие виды деятельности – 38 %, ориентировавшиеся на невоенный тип карьеры – только на 12 %. Очевидно, российское правительство было заинтересовано в иностранных генералах именно в силу их профессиональных военных навыков. Как следствие, иностранцы реже, чем русские, покидали армейскую службу или совмещали ее с гражданской. Доля иноземцев варьировалась в зависимости от вида военной службы. Генералитет, состоявший при армии и гвардии, в 1725 г. насчитывал 33 % иноземцев, а уже в 1726–1730 гг. их доля увеличилась до 42–45 %. Позиции иноземных генералов укрепились и в административных структурах военного профиля: в 1725 г. – 31 %, в 1729–1730 гг. – 46–45 %. В артиллерии и инженерном деле, как и ранее, иноземцы доминировали: 89–100 % (1725–1730). В руководстве гарнизонных частей удельный вес этой группы колебался в пределах от 33 до 47 %, но в 1730 г. вернулся к уровню начала периода (33 %). Как видим, общее соотношение русских и иноземцев в 1725–1730 гг. оставалось таким же, как и в конце правления Петра Великого (2/3 и 1/3 соответственно). Но кадровая политика царя-реформатора подверглась определенной корректировке, и влияние иноземцев в полевой армии и высшей военной администрации усилилось¹¹.

Проанализируем состав иноземцев подробнее и выделим среди них четыре группы в зависимости от места рождения и времени начала службы¹².

В первую группу мы отнесли иноземцев, родившихся в России, а также тех, кто поступил на московскую службу до начала правления Петра Великого (1689). Их насчитывалось 13 человек (24 %). Это Ф. Н. Балк, И. Л. и Л. Л. Блюментросты, Я. В. Брюс, Ф. Я. Буларт,

¹⁰ Здесь в подсчет включены те редкие случаи, когда лицо, состоявшее на армейской службе, не имело сухопутного генеральского чина. Таких в изучаемый период было лишь двое: А. Ю. Бибииков (1728–1730) и Г. Гюйссен (1730). Первый из них, казначей Военной коллегии (6-й класс Табели), носил чин статского советника (5-й класс), второй – служил советником Военной коллегии и в апреле 1729 г. был переведен из генерал-майоров в действительные статские советники.

¹¹ Второй по значению армейский ранг (генерал-аншефа) к 1728–1730 гг. также оказался под контролем иноземцев: 83–86 %. При Петре I схожие показатели встречались лишь однажды – в период Прутского похода 1711 г. [см.: Черников, 2009, с. 716].

¹² Эти сведения известны для 55 генералов из 56 (кроме П. Бема).

П. А. Гассениус, А. К. Гулиц, В. В. Дельден, А. Я. Лицкин, Т. И. Трейден, Е. И. Фаминцын, В. Ю. Фермор, А. Т. Юнгер.

Представители второй группы родились за рубежом и перешли на русскую службу только в 1689–1699 гг. (11 человек, 20 %). Это выходцы из Германии: М. М. Витвер (1697), Г. Гейн (1698), Г.-В. Геннин (1697), И. Я. Гинтер (1697), И. И. Кобер (1696), Л. Л. Шток (1695/96); из Дании: И.-Я. Бреклин (1696/97); Португалии: А. М. Девиер (1696); Швейцарии: П. Б. Лефорт (1694); Швеции: У. О. Сперрейтер (1694); Польши: П. И. Ягужинский. Формально перечисленные лица считались иноземцами «старого выезда»¹³. Но традиционная терминология, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Почти все генералы этой группы поступили на службу в период Азовских походов или непосредственно перед началом Северной войны и, следовательно, обладали современными для петровского периода армейскими навыками. По своему составу эти военные были гораздо ближе к иностранцам, прибывшим в Россию после 1700 г., нежели к «старовыезжим» иноземцам из первой группы, проживавшим в Московском государстве уже долгое время. Поэтому в качестве «старовыезжих» в данной работе мы рассматриваем только представителей первой группы, а тех, кто начал свою службу при Петре I (с 1689), относим уже к «новому выезду».

С началом Северной войны (особенно после манифеста 16 апреля 1702 г. [ПСЗ-1, т. 4, № 1910, с. 192–194] процесс пополнения рядов российской армии иностранцами активизировался. Из числа генералов 1725–1730 гг. на службу в 1700–1725 гг. поступили 27 человек (49 %). Как и ранее, самую значительную часть составляли выходцы из Германии: Г.-И. Бон (1708), И.-Б. Вейсбах (1707), Т.-Г. Венедигер (1707), И.-Г. Гарбер (1710), Л.-Г. Гессен-Гомбургский (1723), К. И. Гохмут (1704), Г. Гюйссен (1702), И.-Л. Люберас (1709)¹⁴, Э.-С. Манштейн (1704), Б.-Х. Миних (1721), Т.-Э. Штаф (не позднее 1708). Уроженцев других регионов насчитывалось меньше. Из Прибалтики: Ф. Левен (не ранее 1710); Х.-Ф. Ропп (1703), Б.-Э. Траутфеттер (1724), И. Штерншанц (не ранее 1710); Франции: П. Бриньи (1717), И. Я. Дюпре (1703), А. Кулон (1707), С. Лукей; Польши: Я.-К. Сапега (1709), Х. Урбанович (1724); Швеции: А. Я. Ветерани (1707), О.-Г. Дуглас (1717), И.-Б. Кампенгаузен (1711)¹⁵; Швейцарии: А. Я. Трезини (1703); Ирландии: П. П. Ласси (1700), Италии: А. Брильи (1701).

¹³ По терминологии петровского времени иноземцами «старых выездов» считались те, «которые выехали до Свейской войны», а иноземцами «новых выездов» – «которые выехали в нынешнюю Свейскую войну» [Сб. РИО, т. 94, с. 275, 656]. Из этого правила были отступления. Так, Г. Гейн, поступивший на службу в 1698 г., согласно его «сказке», являлся «нововыезжим иноземцем» [РГВИА, ф. 490, оп. 2, кн. 37, л. 65]. Отметим, что размер оклада не всегда совпадал с временем выезда. В 1715 г. было приказано нововыезжим (с момента указа, т. е. после 1715 г.) платить более низкий оклад старого выезда, а выехавшим с начала «Свейской войны» до 1715 г. – повышенный нововыезжий [Сб. РИО, т. 94, с. 656].

¹⁴ По одним данным – родился в Лифляндии, по другим – в Германии (Херфорд, Северный Рейн-Вестфалия).

¹⁵ Лифляндский дворянин, родился в Стокгольме.

Непосредственно в изучаемый период (1725–1730) состав генералов расширился за счет четырех человек (7 %). Это уроженцы Германии К.-Ф. Голштейн (1726) и Ф.-Б. Шверин (1727), Грузии – Б. В. Грузинский (1729), Шотландии – Д. Кейт (1728).

Обобщим сведения по тем генералам, которые начали свою службу в России в 1689–1730 гг. (2–4 группы, 42 человека). Состав и структура генералитета 1725–1730 гг. в целом были обусловлены кадровой политикой петровского периода [Черников, 2009, с. 724]. Больше всего среди генералов было уроженцев Германии – 19 лиц (45 %). Представители этого региона в каждом из трех периодов чаще других нанимались на русскую службу (6 человек в 1689–1699, 11 – в 1700–1725, 2 – в 1725–1730). По четыре генерала дали Франция, Швеция и Прибалтика (по 10 %), три – Польша (7 %), два – Швейцария (5 %), по одному – Шотландия, Грузия, Дания, Ирландия, Италия, Португалия (по 2 %). Таким образом, на русской службе, как правило, оказывались представители государств, которые подверглись влиянию Реформации. Подобная традиция сложилась еще в допетровское время. Католическая церковь, по мнению правительства, ввиду строгой иерархии и активной миссионерской деятельности, представляла более значительную опасность для России.

Теперь рассмотрим состав той части иноземного генералитета 1725–1730 гг., которая находилась на армейской службе (табл. 4а, 4б).

Таблица 4а

*Иноземцы в составе армейского генералитета
(по видам служб), абс. (%)*

Вид службы	Родились в России или поступили на службу до 1689 г.	Родились за границей и поступили на службу в ...			Всего
		1689–1699	1700–1725	1725–1730	
Полевая армии и гвардия	6 (21)	3 (10)	17 (59)	3 (10)	29 (100)
Артиллерийский и инженерный корпус	1 (8)	6 (46)	5 (38)	1 (8)	13 (100)
Административные военные структуры	1 (9)	3 (27)	7 (64)	0 (0)	11 (100)
Коменданты и гарнизонная служба	6 (67)	1 (11)	2 (22)	0 (0)	9 (100)

Таблица 46

*Иноземцы в составе армейского генералитета
(по месту рождения), абс. (%)*

Страна / регион		Полевая армии и гвардия	Артиллерия и инженер- ный корпус	Администра- тивные военные структуры	Коменданты и гарнизон- ная служба
Родились в России или поступили на службу до 1689 г.		6 (21)	1 (8)	1 (9)	6 (67)
Начало службы в 1689–1730	Шотландия	1 (3)	0 (0)	0 (0)	0 (0)
	Германия	10 (34)	7 (54)	6 (55)	2 (22)
	Грузия	0 (0)	1 (8)	0 (0)	0 (0)
	Дания	0 (0)	1 (8)	0 (0)	0 (0)
	Ирландия	1 (3)	0 (0)	1 (9)	0 (0)
	Италия	0 (0)	0 (0)	0 (0)	1 (11)
	Польша	2 (7)	0 (0)	0 (0)	0 (0)
	Прибалтика	3 (10)	0 (0)	0 (0)	0 (0)
	Франция	2 (7)	2 (15)	2 (18)	0 (0)
	Швейцария	1 (3)	0 (0)	0 (0)	0 (0)
Швеция	3 (10)	1 (8)	1 (9)	0 (0)	
<i>Итого</i>		29 (100)	13 (100)	11 (100)	9 (100)

Почти 60 % генералов-иноземцев, служивших при полевой армии, приехали в Россию в первой четверти XVIII в. Те, кто родился в Московском государстве или начал свою карьеру в допетровское время, получали подобные назначения гораздо реже (21 %). Но кардинальное обновление генеральского корпуса в годы Северной войны не привело к окончательному разрыву с самой «старой» частью иноземной военной элиты. Представители этого слоя попадали в действующую армию чаще, чем выехавшие при Петре I остзейцы, шведы, поляки, французы, ирландцы, швейцарцы или шотландцы, но реже, чем немцы. Вместе с тем многие «старые иноземцы» уже выбыли из полевой армии и служили в гарнизонных частях, которые почти не участвовали в боевых действиях. Ядро военно-административного аппарата, артиллерийский и инженерный корпус в основном были укомплектованы иностранцами, прибывшими в Россию в 1689–1725 гг. Большинство среди них составляли немцы, вторыми по численности были французы.

Таким образом, несмотря на включение Лифляндии и Эстляндии в состав России, остзейцы так и не смогли потеснить уроженцев немецких земель в армейском генералитете. Двое из трех¹⁶ остзейцев (Б.-Э. Траутфеттер, И. Штерншанц) поступили на службу лишь после

¹⁶ Четвертый остзеец (Ф. Левен) был вице-губернатором Ревельской губернии и не служил при армии.

того, как оказались в русском плену. И хотя среди офицерских чинов остзейцы занимали видное место, их профессиональный уровень не всегда соответствовал ожиданиям российского правительства (как, например, в случае формирования кирасирских полков при Анне Иоанновне [Калашников, с. 88]).

Обратимся к русской части генералитета 1725–1730 гг. (110 человек из 93 родов). Все они начинали свою службу при Петре I или в более раннее время. В зависимости от профиля службы доля русских менялась. Из тех, кто в 1725–1730 гг. постоянно находился на военной службе, русских было 52 %, среди совмещавших военную службу с другими видами деятельности – 62 %, среди занятых исключительно в невоенной сфере – 88 %. Как уже отмечалось ранее, для генералов-иностранцев были свойственны иные предпочтения, и акцент делался прежде всего на военную службу. Генералитет русского происхождения, напротив, демонстрировал более «универсальный» тип карьеры, свойственный представителям государева двора XVII в. [Правящая элита, с. 442]. На военной службе русский генералитет распределялся следующим образом. В полевой армии и гвардии доля русских в 1725 г. составляла 67 %, а к 1729–1730 гг. уменьшилась до 58 %, в военной администрации динамика была такой же – снижение с 69 % до 54–55 %. В артиллерию и инженерный корпус русские генералы попадали очень редко – до 11 % (1725–1730). Среди комендантов и на гарнизонной службе доля русских в 1725 г. и 1730 г. оставалась на одном уровне – 67 % (с колебаниями от 53 до 67 % в 1726–1729). Таким образом, русский генералитет смог удержать свои позиции лишь в той части вооруженных сил, которая сравнительно редко участвовала в боевых действиях. В полевой армии и аппарате управления иностранцы усилили свое влияние.

Для анализа социальной структуры русской части генералитета выделим четыре группы в зависимости от происхождения¹⁷. К числу боярских, аристократических (первая группа) отнесены те фамилии, члены которых служили в чинах боярина и окольничего до 1613 г. и смогли сохранить это высокое положение при Романовых (15 фамилий, 21 человек¹⁸). Во вторую группу включены те роды, которые достигли любого из четырех думных чинов с 1613 г. до 1689 г. (23 фамилии, 28 лиц¹⁹). В третью группу выделены фамилии, представители которых были дворянами или принадлежали к верхушке приказных

¹⁷ Общие принципы классификации см.: [Черников, 2007, с. 373–379].

¹⁸ А. Б., И. И., П. И. Бутурлины, С. Л. Вельяминов, А. П., И. М. Вольинские, кн. М. М. Голицын (старший), И. М. Головин, кн. В. В., И. Г. Долгоруковы, С. А. Кольчев, кн. Б. И. Куракин, кн. А. И. Репнин, С. А. Салтыков, кн. И. В. Сонцов-Засекин, кн. И. Ю., Ю. Ю. Трубецкие, кн. Г. А. Урусов, В. П. Шереметев, кн. М. Ю., О. И. Щербатовы.

¹⁹ Гр. А. М. Апраксин, А. Астафьев, кн. И. Ф. Барятинский, кн. А. И. Волконский, Д. Ф. Еропкин, В. Н. Зотов, И. П., Л. В., П. В. Измайловы, И. С. Караулов, Л. Г. Ларионов, М. И. Леонтьев, И. М. Лихарев, М. А. Матюшкин, С. Г. Нарышкин, А. И., И. В. Панины, Ф. А. Полибин, А. М. Потемкин, П. Т. Савелов, С. И. Сукин, В. Н. Татищев, Д. И. Титов, С. Т. Хлопов, кн. А. И., И. Г. Шаховские, Д. А., Ф. А. Шепелевы.

служителей (дьяки), но не входили в Думу до начала правления Петра I (52 фамилии, 58 человек²⁰). В четвертую группу отнесены недворяне (3 рода, 3 человека²¹) (табл. 5).

Таблица 5

*Происхождение русской части генералитета
1724–1730 гг., кол-во (%)*

Группа	1724	1725(II)	1725(E)	1726	1727(E)	1727(II)	1728	1729	1730(II)
I	10 (26)	10 (26)	12 (24)	14 (21)	12 (18)	12 (18)	13 (17)	13 (17)	12 (18)
II	10 (26)	10 (26)	13 (27)	18 (27)	17 (26)	18 (27)	24 (31)	20 (26)	18 (26)
III	18 (46)	18 (46)	22 (45)	32 (48)	35 (54)	36 (54)	39 (51)	43 (56)	37 (54)
IV	1 (3)	1 (3)	2 (4)	2 (3)	1 (2)	1 (1)	1 (1)	1 (1)	1 (1)
I–IV	39 (100)	39 (100)	49 (100)	66 (100)	65 (100)	67 (100)	77 (100)	77 (100)	68 (100)
I–II	20 (51)	20 (51)	25 (51)	32 (48)	29 (45)	30 (45)	37 (48)	33 (43)	30 (44)

Основные процессы, которые мы можем проследить в 1725–1730 гг., продолжали динамику петровского царствования. Доля лиц, принадлежавших к «думным фамилиям» (I–II группы), уменьшалась: в 1700 г. – 89 % русской части генералитета, в 1724–1725 гг. – 51%, в 1729–1730 гг. – 43–44%. Снижение, как и раньше, происходило за счет наиболее знатной, аристократической прослойки (группа I): в 1700 г. – 78 %, в 1724–1725 гг. – 26–24 %, в 1730 г. – 18 %. «Недумное дворянство» (группа III), напротив, упрочило свои позиции: в 1700 г. – 11 %, в 1724–1725 гг. – 46–45 %, в 1730 г. – 54 %²².

Если дополнительно учесть социальную мобильность в течение XVII в., можно заметить, что многие фамилии, сформировавшие генералитет 1725–1730 гг., сто лет назад (при первом Романове) были тесно связаны с верхушкой городского дворянства. Так, 38 фамилий (6 из группы II, 32 из группы III) в конце 1620-х гг. либо вообще не входили в состав московского дворянства, либо служили по преимуществу «с городом». Они дали 39 % русской части генералитета –

²⁰ А. П. Арсеньев, Я. Х. Бахметов (Бахметев), И. И. Бибиков, С. А. Блеклый, С. С. Буженинов, кн. Н. М. Вадбольский, И. Л., П. Л. Воейковы, А. Я., М. Я. Волковы, кн. В. М. Вяземский, П. С. Глебовский, И. М., М. Т., С. Т. Грековы, И. М. Денисьев, И. И. Дмитриев-Мамонов, С. Н. Друмант, А. Н. Елагин, Г. Д. Есипов, А. Г. Загряжский, И. И. Захаров, С. Л. Игнатъев, Л. Г. Исуповы, Ф. И. Козлов, В. Д. Корчмин, Р. М. Кошелев, Г. С., И. И. Кропотовы, П. И. Лачинов, В. Я. Левашов, С. Маврин, И. А. Менгден (Фамендин), И. П. Мерлин, кн. С. Ф. Мещерский, Ф. Л. Митрофанов, П. И. Мошков, Г. Я. Наумов, Я. Г. Островский, Е. И. Пашков, А. К. Петров-Солово, В. И. Порошин, А. И. Румянцев, И. Т. Сафонов, У.А. Сенявин, Г.Г. Скорняков-Писарев, Л. Я. Соймонов, И.В. Стрекалов, А.И. Тараканов, И.М. Тургенев, А.И. Ушаков, Ф. Г. Чекин, А. И., Г. П. Чернышевы, Я. С. Шамордин, Н. М. Шипов, И. М. Шувалов, кн. Г. Д. Юсупов.

²¹ С. А. Алабердеев, А. В. Макаров, кн. А. Д. Меншиков.

²² О социальной структуре русской части генералитета первой четверти XVIII в. см.: [Черников, 2013, с. 45–62].

43 человека. Члены еще 16 фамилий (22 человека, т. е. 20 % русского генералитета) имели в это время родственников среди городских дворян, но служили в основном по «московскому списку» (3 фамилии из группы I, 3 из группы II, 10 из группы III).

Представленные данные наглядно демонстрируют последствия того социального сдвига, который произошел в составе правящего слоя за последние десятилетия. Проникновение худородного дворянства, усилившееся в 1670-х гг. [Рое, р. 46-48, 80, 102–103, 131–132, 166–167], превратилось при Петре Великом в доминирующую тенденцию. В основном это отразилось на составе военного командования. В первой четверти XVIII в. армейский генералитет и высшее флотское руководство стали наименее родовитой частью правящей верхушки [Черников, 2010, с. 272–273]. В 1725–1730 гг. традиционная элита (I–II группы) все еще оставалась консолидирующим ядром генералитета, но уже потеряла свое численное превосходство. Самой многочисленной группой в этот период являлись потомки московского и верхушки городского дворянства. Но, как и при Петре Великом, рациональные принципы продвижения по службе, закрепленные Табелью о рангах, не являлись самодостаточными [Там же, с. 273]. Их дополняли традиционные факторы чинопроизводства, действовавшие со времен Московского государства – происхождение и родовитость. Два старших армейских ранга (фельдмаршала и полного генерала) в 1725–1730 гг. продолжали оставаться под контролем аристократии (кн. М. М. старший Голицын, И. И. Бутурлин, кн. И. Ю. Трубецкой, кн. В. В. Долгоруков, кн. А. И. Репнин). Потомки думных людей XVII в. получали их крайне редко (М. А. Матюшкин). Представители же более низких социальных групп (А. Д. Меншиков) попадали в эти чины только благодаря фаворитизму и особому доверию со стороны царствующих персон²³.

Подведем итоги.

Период после смерти Петра Великого стал временем масштабных перемен в российском генералитете: за пять лет его численность выросла в два раза, а кадровый состав обновился примерно на 60 %. Интенсивность пожалования генеральских чинов была в 3,5 раза выше, чем в 1700–1725 гг. Росту чинопроизводства и расширению генеральского корпуса немало способствовала активная деятельность правительства по регламентации состава различных учреждений и унификации лестницы чинов.

Национальный состав генералов 1725–1730 гг. был во многом схож с тем, который сложился к концу правления Петра Великого (2/3 русских и 1/3 иноземцев). Таким образом, для утверждений о «прорусской» или «антинемецкой» направленности кадровой политики Петра II нет никаких оснований. Влияние иноземцев в действующей армии и высшей военной администрации только усилилось, а самой многочисленной

²³ Среди генерал-лейтенантов в 1725–1730 гг. (в отличие от 1700–1725 гг.) уже преобладали потомки «недумного дворянства» (группа III) – 62–69 %.

группой среди иностранцев, как и ранее, остались уроженцы Германии. Социальная структура русского генералитета изменилась мало: около половины происходило из среды недумного дворянства, а традиционная элита продолжала контролировать высшие генеральские ранги.

Важным итогом кадровой политики 1725–1730 гг. стало формирование в среде генералитета значительной группы лиц, состоявших при статских делах. В основном она сложилась за счет «новичков», повышенных из чина полковника. Непосредственно в генеральских рангах интенсивность перемещений с военной службы на гражданскую (и наоборот) была невелика: около 70 % генералов этого времени ни разу за пять лет не сменили профиль службы. Приведенные в статье данные позволяют дополнить сложившуюся в историографии характеристику «типичного представителя элиты» как руководителя «универсального типа», получавшего на протяжении своей карьеры самые различные назначения. Эта точка зрения несомненно верна при анализе служебной деятельности как единого целого – от поступления на службу до момента полной отставки. Но, как видим, «мобильность» представителей элиты была подвержена колебаниям и в определенные периоды (как в 1725–1730) являлась весьма низкой.

Бабич М. В. Манифест об ограничении сроков дворянской службы 1736 г. в системе политики, административной практики и социальных ценностей в России XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после Петровских реформ (1682–1750). М. 2013. С. 81–102. [Babich M. V. Manifest ob ogranichenii rokov dvoryanskoj sluzhby 1736 g. v sis-teme politiki, administrativnoj praktiki i sotsial'nykh tennostej v Rossii XVIII v. // Pravyaschie elity i dvoryanstvo Rossii vo vremya i posle Petrovskikh reform (1682–1750). М. 2013. S. 81–102.]

Калашиников Г. В. Офицерский корпус русской армии в 1725–1745 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. 295 с. [Kalashnikov G. V. Ofitseriskij korpus russoj armii v 1725–1745 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 1999. 295 s.]

Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век / сост. П. И. Баранов. СПб., 1875. Т. 2. XIV. 989 с. [Opis' vysochajshim ukazam i povelenyam, khranyaschimsya v S.-Peterburgskom Senatskom arkhive za XVIII vek / sost. P. I. Baranov. SPb., 1875. T. 2. XIV. 989 s.]

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 (ПСЗ-1). СПб., 1830. [Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 1. (PSZ-1) SPb., 1830.]

Правящая элита русского государства IX – начала XVIII вв.: очерки истории. СПб., 2006. 548 с. [Pravyaschaya elita russkogo gosudarstva IX – nachala XVIII vv.: ocherki istorii. SPb., 2006. 548 s.]

Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1726–1730 гг. // Сб. РИО. СПб., 1886–1898. Т. 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101. [Protokoly, zhurnaly i ukazy Verkhovnogo tajnogo sojeta, 1726–1730 gg. // Sb. RIO. SPb., 1886–1898. T. 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101.]

РГАДА. Ф. 16 (Разряд XVI – Внутреннее управление); Ф. 20 (Разряд XX – Дела военные); Ф. 199 (Портфели Г.-Ф. Миллера); Ф. 210 (Разрядный приказ); Ф. 248 (Сенат и его учреждения); Ф. 286 (Герольдмейстерская контора); Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). [RGADA. F. 16 (Razryad XVI – Vnutrennee upravlenie); F. 20 (Razryad XX – Dela voennye); F. 199 (Portfeli G.-F. Millera); F. 210 (Razryadnyj prikaz); F. 248 (Se-nat i ego uchrezhdeniya); F. 286 (Geroldmjesterskaya kontora); F. 350 (Landratskie knigi i revizskie skazki).]

РГВИА. Ф. 489 (Формулярные списки); Ф. 490 (Офицерские сказки). [RGVIA. F. 489 (Formulyarnye spiski); F. 490 (Ofitserskie skazki).]

Черников С. В. Российская элита эпохи реформ Петра Великого: состав и социальная структура // Государство и общество в России XV – начала XX века. СПб., 2007. С. 366–386. [Chernikov S. V. Rossijskaya elita epokhi reform Petra Velikogo: sostav

i sotsial'naya struktura // Gosudarstvo i obschestvo v Rossii XV – nachala XX veka. SPb.: 2007. S. 366–386.]

Черников С. В. Эволюция высшего командования российской армии и флота первой четверти XVIII века: к вопросу о роли европейского влияния при проведении петровских реформ // Cahiers du Monde russe. 2009. 50 (4). P. 699–736. [Chernikov S. V. Evolyutsiya vysshego komandovaniya rossijskoj armii i flota pervoj chetverti XVIII veka: k voprosu o roli evropejskogo vliyaniya pri provedenii petrovskikh reform // Cahiers du Monde russe. 2009. 50 (4). R. 699–736.]

Черников С. В. Состав и особенности социального статуса светской правящей элиты России первой четверти XVIII века // Cahiers du Monde russe. 2010. 51 (2/3). P. 259–280. [Chernikov S. V. Sostav i osobennosti sotsial'nogo statusa svetskoy pravyaschej elity Rossii pervoj chetverti XVIII veka // Cahiers du Monde russe. 2010. 51 (2/3), R. 259–280.]

Черников С. В. Военная элита России 1700–1725 гг.: меритократические и аристократические тенденции в кадровой политике Петра I // Правящие элиты и дворянство России во время и после Петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 45–62. [Chernikov S. V. Voennaya elita Rossii 1700–1725 gg.: meritokratische i aristokratische tendentsii v kadrovoj politike Petra I // Pravyaschie elity i dvoryanstvo Rossii vo vremya i posle Petrovskikh reform (1682–1750). М., 2013. S. 45–62.]

Meehan-Waters B. The Muscovite Noble Origins of the Russians in the Generalitet of 1730 // Cahiers du Monde russe et sovetique. 1971. 12 (1/2). P. 28–75.

Meehan-Waters B. The Russian Aristocracy and the Reforms of Peter the Great // Canadian-American Slavic Studies. 1974. 8 (2). P. 288–302.

Meehan-Waters B. Social and Career Characteristics of the Administrative Elite, 1689–1761 // Russian officialdom: the Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Chapel Hill, 1980. P. 76–105.

Meehan-Waters B. Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick ; New Jersey, 1982. 274 p.

Poe M. T. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Vammala, 2004. Vol. 2. 283 p.

В статье на основании широкого круга архивных и опубликованных источников рассматриваются состав, национальная и социальная структура российского генералитета 1725–1730 гг. Установлено, что его численность за пять лет выросла в 2 раза, а кадровый состав обновился примерно на 60 %. Среди генералов насчитывалось 1/3 иноземцев и 2/3 русских (около половины русских происходили из недумного дворянства, а традиционная элита, как и при Петре I, продолжала контролировать высшие генеральские ранги). В изучаемое время также сформировалась значительная группа генералов, состоявших при статских делах. Интенсивность перемещений генералитета 1725–1730 гг. с военной службы на гражданскую (и наоборот) была невелика: около 70 % генералов ни разу за пять лет не сменили профиль службы.

Ключевые слова: генералитет; правящая элита; армия; служба; национальный состав; социальный состав.

Sergey Chernikov (Сергей Васильевич Черников), dr.

Russia, Lipetsk

Lipetsk State Technical University

zserg72@gmail.com